

The background of the book cover is a photograph of a weathered wall. The wall is composed of a mix of red bricks, grey stones, and patches of peeling white plaster. Several thick, gnarled, light-brown tree roots are visible, growing over and around the wall. A single white glove is stuck to the wall, positioned above the main title.

ЕКАТЕРИНА ШИРОКОВА

БРАКОВАННОЕ ЧУДО

НАСТОЯЩАЯ ИСТОРИЯ ЗЛОЙ
МАЧЕХИ

16+

Екатерина Николаевна Широкова
Бракованное чудо
Серия «Настоящая история
злой мачехи», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65491366

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96328-3

Аннотация

Дремлет славянская богиня Мокошь уже многие века, и не знает Москва, что дети Кощеи рождались не просто так, спрятанные от обыкновенных людей и оборотней в детском доме в Серебряном бору. Точнее, это их держали подальше от всех, пока они ещё слишком малы, чтобы контролировать себя.

Вторая книга в серии "Настоящая история злой мачехи".

Екатерина Широкова

Бракованное чудо

Выходило так, что последние лет пять я пропустила – ничего не помню, но за это время моя же семейная жизнь ничуть не разладилась.

Царёв выглядел на зависть – подтянутый, холёный. Уверенный. Он чуть наклонился, не отпуская руль, и небрежно коснулся моих губ, при этом с заднего сиденья послышалось сдавленное фырканье. Удивлённо обернулась и успела увидеть, как Алёнка деланно закатила глаза, но демонстративный жест скорее походил на привычку, чем на подлинное неодобрение. Царёв лишь усмехнулся, покосившись в зеркало заднего вида, и завёл автомобиль.

Да, эта дерзкая девчонка определённо была моей падчерицей, только с вытянувшимися конечностями и уже слегка наметившейся грудью, которую не скрывал даже унылый грязно-розовый балахон. Что же, оно и понятно, подросток. Получите-распишитесь. Её лучшие детские годы, когда мозг уже включили, а гормоны ещё нет, пролетели мимо меня. И даже вспомнить нечего – пустота.

– Везёт же им! – Алёнка сплющила свой нос о стекло, провозжая взглядом старый фасад детского дома, окружённый молодой порослью. Похоже, пепелище не стали засаживать большими деревьями, ограничившись саженцами тополей, а

само здание вообще не пострадало, это я как раз помню хорошо.

– Ну ты сказанула, – Царёв снисходительно улыбнулся, – правда хотела бы жить в детдоме, а не с нами?

– Круто у них, а ты просто никогда не пробовал настоящего мертвяка.

– Ещё чего не хватало!

– Помню-помню, ты же у нас весь такой правильный, с трудом выносишь монстров. Пора бы уже привыкнуть, что я не такая.

– Да я не в этом смысле, – Царёв раздосадованно посмотрел на меня, ища поддержки, но я не знала, что сказать, – и потом, мы же тебя возим сюда регулярно, значит у тебя такой же доступ к... Пище.

– Ага, конечно. Не говори о том, о чём не знаешь, – Алёнка сменила тему. – Представляете, Никита сегодня на ВДНХ залётного оборотня засёк, какая-то малолетка пыталась приставать к ребятам. Вообще такая наивная, думала, что кто-то клюнет на её жалобный вид. Наверняка не москвичка, у нас сейчас все знают, что при виде плачущей девочки народ просто ветром сдувает.

– А как Никита понял, что она не человек?

– Так видит, шарахаются люди, обратил внимание. Та нашла лоха и повела в кусты, даже не додумалась спрятаться получше. Вот деревня, небось прямо с вокзала. Почему они все прутся именно туда? Думают, где толпы, там никто ни-

чего не заметит?

– Хорош пальцы гнуть, лучше расскажи, что там за оборотень такой.

– Да как обычно. Пацан думал, что ему свезло, а сам брякнулся со скамейки на газон и не дышит. Девочка сидит себе спокойно, ресницами хлопает, невинность изображает. Никита говорит, что парнишка потом встал, отряхнулся и дальше пошёл гулять. Повезло.

– Где она сейчас? Забрали её?

– Да, Никита позвонил дедушке. Отвезли в зверинец. А можно мне на неё посмотреть?

– Если твоя мама разрешит, – Царёв незаметно подмигнул.

– Она мне не мама, – довольно язвительный выпад, усиленный тычком в спинку сиденья.

– То есть тебе можно называть её мамой, а мне нельзя? Что за дискриминация такая?

– Ничего не имею против Федоры, пап, но когда ты так говоришь, не все понимают, о ком идёт речь, – Алёнка сделала страшные глаза и рассмеялась своей глупой шутке.

Царёв привёз нас на подземную парковку в Москва-Сити и пока мы поднимались на лифте, та успела ловко выпросить разрешение. Девушка на входе одарила Алёнку панорамой своих белоснежных зубов, а на меня посмотрела чуть ли не с благоговением, я даже поискала глазами какое-нибудь зеркало, чтобы проверить, всё ли в порядке.

– Федора Витальевна, вас уже ждут. Объект на месте.

Объектом оказалось щуплая и юркая девочка лет тринадцати, почти как Алёнка, только одета как попало – видно, денег в её семье отродясь не водилось.

Выглядела она чересчур тощей даже для подростка – ноги, как палки, и из-за этого колени напоминали диковинный чупа-чупс. Глаза наглые, но по тому, как цепко отслеживались малейшие мои движения, сразу догадалась, что девчонка чертовски напугана.

Я понятия не имела, что делать с этим чумазым сокровищем, так что спросила наугад первое, что пришло в голову – не голодная ли она. Секретарша аж подпрыгнула от вопроса.

– Они никогда не хотят нормальную человеческую еду. Мы предлагаем, не сомневайтесь, но им не нравится. Предпочитают брать... По-своему. Раньше пытались кормить насильно, но с тех, как Римму покусали, желающих особо нет.

Наверное, моя удивлённая реакция показалась ей слишком резкой, потому что она вдруг страшно смутилась и покраснела.

– Извините, Федора Витальевна, что лезу не в своё дело. Просто, чтобы вы не подумали, что мы их тут голодом морим... – видимо, моё молчание её вдохновило, – Всё-всё, молчу, извините ещё раз.

Надо было как-то разрядить обстановку.

– А чего она у вас грязная такая? Почему не привели в порядок хоть?

– Так вы же ещё ничего не решили... Вдруг её сразу в зверинец? Тогда можно и не мыть.

От эдакого объяснения я совсем загрустила, но секретарша аккуратно прикрыла за собой дверь и я осталась один на один с объектом. Девчонка поджала под себя ноги и насупилась.

– Как тебя зовут? – присела напротив.

– А вы познакомиться пришли, что ли? – с издёвкой так, но она не удовлетворилась произведённым эффектом и вдобавок показала язык здоровенному зеркалу во всю стену.

Я инстинктивно повернула голову следом и только тут столкнулась лицом к лицу с собственным отражением. Вроде бы всего пять лет разницы, но женщина в зеркале была совсем не такой, как раньше. Черты заострились, но вместе с тем проявилась и приятная округлость фигуры. Пожалуй, так даже лучше. Рассматривала свой новый облик, пока не дошло, что это не просто зеркало, а экран для наблюдения за происходящим в комнате.

И с той стороны наверняка кто-то был.

В дверь постучали, и секретарша робко сунула к нам свой нос.

– Федора Витальевна, вас Варвара Петровна просит подойти. Говорит, срочно.

За экраном обнаружилась с блондинка с пышными формами, засунутыми в довольно спорный деловой костюм, и с явно подкачанными губами. Она отложила телефон и сказа-

ла раздражённо, постукивая ногтем по столу.

– Федора, что с тобой? Забыла, что делать надо? Да я бы сама справилась за пять секунд, но мы же договорились, что ты будешь сортировать детишек.

– Варвара?

– Ну а ты кого ждала здесь увидеть? Что так смотришь? – она с сомнением оглядела свой костюм, – Думаешь, чересчур вызывающе для депутата городской думы? Да ну тебя, какая ты занудная. Мне, например, это тело очень нравится, самое оно для милой и скромной женщины, занимающейся карьерой. Ты же не захотела, вот мне теперь приходится отдуваться за всех.

Варвара сделала паузу и с тревогой посмотрела на меня.

– Я не поняла, ты чего молчишь? Обиделась за вчерашнее? Ну и зря, я твоего Царёва и пальцем не трону, сама понимать должна. Не знаю, как ты живёшь на пороховой бочке, а я предпочитаю безопасные отношения. Мне риски и проблемы ни к чему.

– Просто скажи, что я должна сделать.

– Ясно, мы все из себя обиженные, – Варвара откинулась в кресле. – Ваше злодейское величество, будьте так любезны, определите, пожалуйста, есть ли в этой мартышке за стеклом хоть что-то полезное. У меня полный детский дом детей, знаешь ли, и все они жаждут знать, обломилось ли им хоть что-то. Лады?

– Ага. А как это именно делается?

– Издеваешься? Мне всё равно, хочешь, за руку её возьми, а хочешь, поцелуй в лобик. И давай скорее, у меня ещё дел по горло с этими перевыборами.

Перед тем, как прижать ладонь к её лбу, успела заметить странную форму зрачков – будто чернила расплескались, вылились за строго очерченные пределы окружности. Необычная метка. А потом девчонка съёжилась, зажмурила глаза и зачем-то оттопырила нижнюю губу, отчего стала похожа на резинового лягушонка, без которого я в детстве отказывалась залезать в ванную. Кстати, от этого неуместного сравнения почему-то стало легче, не так мутно.

Сначала ничего не почувствовала – только удивилась, какой лоб горячий.

Видения возникли внезапно, вытесняя друг друга, и в получившейся каше с непривычки трудно было разобраться.

Очень много всего про ночной поезд – потный мужик в брезентовой ветровке курит в тамбуре, а потом он же с хрипом оседает на ребристый металлический пол. Проводница шумно сдвигает дверь и недовольно ждёт, когда все покажут билеты. Та же проводница лежит в своём половинчатом купе, неподвижно уставившись в потолок, а очки съехали на ухо. И ещё с утра – опять эта проводница, посеревшая и с тёмными кругами под глазами, пытается не расплескать кружки с кипятком, но те предательски дрожат в её руках, а остальные пассажиры смотрят с осуждением, мол, знаем, чем вы там всю ночь занимались, стыдоба-то какая.

Похоже, девчонка отдохнула душой и телом, наелась перед Москвой до отвала. Промышляет чужой жизненной силой, но хорошо знает, когда остановиться, чтобы не потерять клиента. Опытная – даром, что от горшка три вершка, только-только одной ногой в пубертат. Обычную еду почти не ест, так что организм уже отвык и с трудом справляется с нормальной пищей, чем и объясняется отчаянная худоба.

Потом видения сменяются на Москву – вокзал очень скомкано, слишком много полиции, бочком-бочком и сразу в метро, до остановки ВДНХ.

Мельтешение отдыхающих граждан, но вместе с тем трудно выловить кого-то одного, недоверчивый тут народ, настоженный.

Наконец удача – молодой человек готов отойти в сторону, поговорить.

А потом, как калейдоскоп, полицейская машина, погрузили без разговоров, на нытьё не реагируют. Да ни на что не реагируют – тоже оборотни, вот это неприятный поворот. И привезли не в отделение, а на огромную подземную парковку, спрятанную под кварталом разноцветных небоскрёбов, вот где раздолье, наверное. Пока ведут к лифту, девчонка всю крутит головой, чтобы запомнить по-максимуму, и замечает за колонной шикарную блондинку, кокетливо смеющуюся и обнимающую за шею солидного дядьку. Тот кладёт свои руки на её изящные запястья, а потом другая колонна закрывает обзор. Всё занимает буквально мгновение, но ме-

ня рывком выбрасывает из видения.

Блондинка, конечно, Варвара в новом образе. Интересно, кстати, у кого она позаимствовала эту личину. Дядька – Царёв, супруг мой законный. Смотрю, у них тут развели порядки, пока я отсутствовала.

Снова вижу зажмурившуюся пацанку, дышит часто, щёки горят. Я отрываю руку от её лба и выхожу вон из комнаты.

Стою в коридоре, пытаюсь унять дрожь. Ладно, не будем пороть горячку – что она видела? Его реакцию рассмотреть не успела, может, он вовсе и не был счастлив от такого расклада. Негодовал, например, от подобной фамильярности. А если не расскажет, так просто не хочет расстраивать из-за ерунды.

Варвара приоткрывает дверь из скрытого помещения и скептически смотрит на мои муки.

– Нет, с тобой точно что-то не так. Надо будет сказать Царёву, чтобы как следует расслабил тебя, а то ходишь, как мешком стукнутая. Что хоть по девчонке? Куда её? В зверинец или уж судье отдадим?

Сцена судилища над зарвавшимися оборотнями болезненно оживает, и мне становится жалко малолетку.

– Зачем сразу к судье? Давай её в зверинец. Интересная девочка.

Довольная Варвара посылает мне воздушный поцелуй.

– Вот люблю я, когда ты так говоришь!

Царёв преспокойно пил с дочерью чай с печеньем, пока я возилась с несовершеннолетним оборотнем. При моём появлении Алёнка с напускным безразличием поинтересовалась, что же мы решили. Я коротко бросила – в зверинец. Глаза у Алёнки загорелись, а Царёв поднял брови и высказался в том духе, что в последнее время в Москве наблюдается нашествие таких вот опасных детишек, чем дальше, тем хуже, и все – с периферии.

И с явным напором – что делать-то будем? Да я понятия не имею. И как ты можешь быть таким спокойным, когда сам только что...

Алёнка без всякого стеснения включила режим подхалимажа и повисла у меня на шее.

– Мамочка, ты же помнишь, что разрешила мне? А можно я заберу себе что-нибудь? Ну пожалуйста!

Вопросительно оглянулась на Царёва, но он уставился в собственную чашку с таким отсутствующим видом, что поняла – действовать придётся полностью наугад.

– Скажи конкретно, чего ты хочешь?

– Мам, ну зачем ты так? Я просто посмотрю, что у неё есть хорошего. Всё равно же её в зверинец, а я уже достаточно большая, чтобы выбрать себе что-нибудь. Все девочки в детдоме уже нахватались всякого клёвого, а мне никак не обломится. Так нечестно, вообще-то.

– И тебя не смущает, что это оборотень? Как ты собираешься у неё что-то забирать?

Алёнка вытаращивает глаза и даже открывает рот, как будто я спросила полную дичь.

– А зачем же мы, по-твоему, в детдом ездим? Варвара нас научила, – смотрит и не может понять, в чём подвох.

– И ты специально сюда торопилась из-за этого? – пока я мнусь в нерешительности, к нам подходит сама Варвара, и Царёв сразу оживляется, отрывается от созерцания посуды.

– Что, тиранишь дочку? – Варвара легко обнимает Алёнку и насмешливо грозит мне пальцем, – Жаловалась она на тебя, – и тут же, обращаясь к Царёву, – Привет, герой. Давно не виделись.

– Привет, – теперь мне кажется, что Царёв настроен скорее неприязненно.

– Федора, хорош свою девочку мариновать, дай ей попробовать самой себя проявить. Надо же когда-то начинать, и ты сама сказала, что этот оборотень интересный. Я могу подстраховать, если хочешь. Пойдём, попробуем? А Царёв тут пока подождёт, правда? – Варвара взяла Алёнку за руку, а Царёв сморщился, будто только что съел целый лимон.

Алёнка прыгает от радости.

Зверинцем оказался целый этаж наверху. Коридоры одинаковых клетушек со стеклянными стенами, бетонный пол, кран с водой и слив в полу. Некоторые затемнены, ничего не видно, что там внутри, но большинство – пустые.

Свежее пополнение разместили дальше по коридору, вокруг – никого. Алёнка с опаской приблизилась и принялась

рассматривать свою добычу, вставив пальцы в небольшие круглые дырки в стекле. Та сидит прямо на холодном полу и трясёт головой, словно надеясь избавиться от шумов в ухе, и не обращает на нас никакого внимания.

Алёнка неожиданно громко хлюпает носом и из девочки-оборотня вытекает, разливается живым пятном плотный дым. Клубы его наполовину заполняют клетку, бурлят, оставляя видимой лишь макушку девчонки, а потом осторожно начинают переливаться в Алёнку. Та стоит ровно, изо всех сил сжав побелевшие пальцы, и жадно впитывает, не отводя глаз от этой самой макушки.

Потом Алёнка сипло кашляет, схватившись за горло, и спрашивает у меня неожиданно севшим голосом:

– Мам, она какая-то... Голодная. А я не буду теперь то же самое чувствовать?

Всё закончилось так же быстро, как и началось – клетка темнеет, растворяя во мраке силуэт прижатых к стеклу человеческих рук.

Варвара покровительственно кладёт руку Алёнке на плечо и уводит прочь, отвлекая её рассуждениями про необходимость отлавливания и обезвреживания оборотней. Назидательно и фальшиво звучит заезженный лозунг про чистый город для людей.

Алёнка выглядит потрясённой и даже подавленной.

Она несколько раз обернулась, но покорно ушла вместе с Варварой, а я не могу заставить себя сделать хотя бы шаг.

Хлопнувшая дверь на этаж разрывает тишину, помогает выпасть из непонятного забытья.

Из-за угла появился молодой человек лет двадцати, он кажется смутно знакомым, и память услужило подсовывает патлатого дылду из детского дома, вроде бы Никиту. Старший из бывших птенцов Зинаиды Ивановны. Нынче Никита коротко подстрижен и оброс мускулатурой – держится иначе, скорее по-мужски вальяжно, чем простительно дерзко по малолетству. И Алёнка упоминала, что именно он выловил сегодняшнего оборотня у ВДНХ.

Никита дружелюбно поздоровался и спросил, не против ли я включить свет в камерах – говорит, что видел мою Алёнку, для которой и сделали затемнение, чтобы не травмировать впечатлительную детскую психику, а он предпочитает точно знать, что происходит. Мол, так даже проще, перестаёшь видеть в них людей.

Согласилась и с опаской заглянула в клетку. Девочка-оборотень лежит на боку, согнув колени и безвольно распластав руки. Если бы несколько минут назад я сама не видела, что это всего лишь подросток, то приняла бы её за дурацкое пугало, которое к тому же забыли хорошенько набить, отчего кожаный мешок выглядит слегка великоватым для начинки.

– Всегда мозги прочищает, когда видишь их такими, какие они есть на самом деле, – Никита упёрся руками в стекло и посмотрел на пугало, не скрывая брезгливости. – А вы

как, привыкли уже? Что-то видок у вас неважный...

Пробормотала, что всё нормально, но Никита неожиданно приложил ладонь к моему лбу, а потом присвистнул.

– Знаете, один раз я поймал оборотниху, ещё до того, как Варвара ввела за правило сначала свозить всех сюда и осматривать. У неё такой необычный талант обнаружился, она чувала эмоции всех, к кому прикасалась. В общем, я прихватил сей талант без разрешения и никому не сказал. Только вы знали, но тоже меня не сдали. Что с вами, Федора? Я чувствую, что вы как будто крепко потерялись. Могу я чем-то помочь?

– Так и есть. Вообще ничего не помню, что было за последние несколько лет.

– Это с тех пор, как Зинаида пропала, что ли?

– Да. А что с ней случилось, ты в курсе?

– Да никто толком не знает. Однажды заявила Варвара, а у неё внутри мертвяк. Мертвяк внутри живого человека, это же дичь полная! Зинаида Ивановна запретила его трогать, но Варвара сама просила, говорила, тяжело ей, разрывает изнутри. Плакалась очень. Мы решили попробовать по чуть-чуть, сначала нормально пошло, ей полегчало, ну а дальше вырубилло всех с непривычки. Это сейчас уже все наши знают, сколько взять, чтобы безопасно было, а тогда наелись от души. Когда очнулись, Зинаиды уже не было, а вокруг разруха.

– А конкретнее?

– Сначала было похоже, как будто мертвяк бесхозный бродит вокруг, а потом со всех сторон в Москву попёрли оборотни. Те, которые мальчики, с ними проблем особых нет, а вот с девочками засада. Ловим их, ловим, да всё никак не переловим. Заботимся, так сказать, о москвичах.

– Каким образом вы их ловите, я не пойму? Оборотни же раньше на вас чихать хотели?

– А это самое классное, за что все Варвару любят. С тех пор, как мы подпитываемся её мертвяком, нам что оборотень, что человек, без разницы. Клёво, да? Да к ней теперь кто только не шастает, чтобы подкрепиться, из бывших наших. Все хотят экзотики, новых талантов. Тут есть, из чего выбрать, – и Никита широким жестом обвёл помещение с прекрасно оборудованными клетками. – А что, кстати, Алёнке досталось? Она выглядела расстроенной.

Я неопределённо пожала плечами – ничего в девчонке не было, кроме жажды, а это так себе талант, если подумать. Наверное, мозги у меня совсем размякли, раз я позволила Алёнке хватануть подобный мусор. С силой потёрла ноющий висок и вдруг поняла, что Никита выглядит разочарованным.

– Алёнка обскакала тебя, да? Ты сам рассчитывал распотрошить этого оборотня?

– Полегче, тётенька! У меня полный доступ к зверинцу, так что из-за одного упущенного шанса переживать не стану.

– А ты в курсе, что я твоя сводная сестра?

– Ага. Обиделись на тётеньку? Зря. Вы молодая, красивая. Из всех моих сестёр вы больше всех похожи на Кощею.

– Ты с ней встречался?

– Видел однажды, – Никита отвёл глаза, – когда она приезжала в детский дом. Мельком, конечно, но вот... Запомнилось. Если честно, для этого я специально долго и нудно караулил по ночам, пока Зинаида Ивановна не просекла фишку и не запретила ночные бдения. В детстве я часто думал, что вырасту и докажу, что заслуживаю быть её сыном. Самым лучшим в мире мальчиком, ну и прочая подобная чушь.

– И как, доказал?

– Не-а. Зато поумнел малёк и понял, что так думал каждый из нас, а маманька-то всех бросила оптом. Ей просто-напросто глубоко наплевать. Зато и не надо никому ничего доказывать, правда?

– Ну да, удобно. А с тех пор, когда Зинаида пропала, Кошечка не появлялась?

– Нет. У Варвары бзик какой-то на Кошее, она расспрашивала миллион раз про неё, где то, когда сё. Обещала нам всем найти мамочку, да только я в эти сказки не верю, спасибо, вырос уже из этого возраста. Не нужны, ну и не надо, сами справимся, – Никита сердито щёлкнул пальцами и сменил тему. – А вы реально ничего не помните?

В результат еле отделалась от активно желающего помогать Никиты, да и то только с условием, что завтра непременно встретимся и поболтаем.

Царёв был не так благосклонен. Пока ехали домой, всё косился на хмурую дочь и бросал на меня красноречивые и весьма недовольные взгляды.

Алёнка тут же ушла к себе, наотрез отказавшись ужинать, но когда я собралась постучаться в закрытую дверь для душевного родительского разговора, он аккуратно перехватил мою руку и покачал головой.

– Не советую, опасно для жизни. Дай ей побыть одной.

– С каких пор ты у нас великий психолог и спец по подросткам?

– Может быть, ты забыла, но в последнее время ты у неё не в фаворе.

– А ты отец-молодец?

– Типа того.

– Ладно, тогда у меня для тебя ещё новость. Я ничего не помню, что было за последние несколько лет, и это очень напрягает. Введёшь в курс дела? Прямо начиная с того дня, как оборотни устроили суд в Серебряном бору.

Царёв молчал несколько минут, внимательно изучая моё лицо, а потом осторожно переспросил.

– Вообще ничего не помнишь?

– Абсолютно. То есть ноль.

– Ясно, – мне показалось, или в его голосе мелькнуло облегчение?

Рассказ оказался занятным.

Во-первых, мы с Варварой стали подружки – не разлей

вода. Ради неё я даже забросила свою старую работу и числюсь теперь помощником депутата, а по факту помогаю ей в зачистке города от агрессивных оборотней. Отдельные нападения на зазевавшихся граждан – ещё полбеды. Хуже всего, что люди не понимают, почему вдруг начинают вести себя неадекватно, на ровном месте ругаться с домочадцами или соседями и даже задирают случайных прохожих, а это теперь отнюдь не редкость. Полиция просто не справляется с валом происшествий, и лучше не становится.

Во-вторых, Серых и компания Варваре в целом содействуют, так как сами в шоке от наплыва незваных гостей. Власти официально не признают нашествия, но на деле дали Варваре Петровне – начинающему, но амбициозному политику – полный карт-бланш. На самом высоком уровне, по слухам.

Всё это было на меня не похоже. Нет, бороться с бракованными оборотнями, допустим, правильно, хотя ещё большой вопрос, с чего они вдруг так полюбили Москву, что едут и едут. Но дружба с Варварой? Сомнительно выглядит. Зато для её марионетки – самое оно.

Больше всего меня уязвило игривое замечание Царёва, что по нашей с ним личной жизни претензий нет, даже наоборот, он всем очень доволен. Вот прямо многозначительно – очень! Сразу захотелось вlepить пощёчину или сбежать к маме, хотя формально ничего не доказано – со мной он там зажигал или не со мной, и мог ли хотя бы теоретически опознать другие, посторонние личности в привычном теле

жены. Хм. Но обидно, однако.

Сам Царёв не при делах, так как с оборотнями у него не сложилось, кроме условного перемирия с тестем, а Варвара в его помощи подчёркнуто не нуждалась. Спасибо, что она хоть не превратила его в дрессированного кота, по команде цапающего мышек.

Под утро Царёв охрип и взмолился о пощаде, а когда уже засветло на кухню еле-еле выползла Алёнка с кошмарными кругами под глазами, то я сразу передумала везти её в школу. Побудет дома, скажется больной. Может быть, займёмся проблемным подарком от оборотня – избавимся от него, поощрением других желающих.

Алёнка неожиданно упёрлась – в школу поеду, и точка. Кавалер там, что ли? Любимые одноклассники?

Обсуждать по дороге вчерашнее она категорически не захотела и только угрюмо водила пальцем по запотевшему от дождя пассажирскому стеклу. Я озвучила предложение скинуть кому-нибудь её новый дар, очевидно неприятный, но она посмотрела на меня с таким выражением, что пришлось отстать. Провожая её фигуру, перескакивающую через лужи и исчезающую в толпе других школьников, в конце концов решила, что ничего страшного – время есть. Я ошиблась.

Царёв позвонил через час и сказал, что в школе что-то случилось. Серых уже едет, а сама Алёнка только ревёт белугой в трубку и повторяет, что не виновата. Я оказалась на

месте первой, потому что вообще никуда не уехала, а так и сидела на парковке, положив руки на руль и тупо глядя перед собой, пытаюсь переварить сказанное Царёвым.

И вот теперь – наверняка Алёнка натворила дел. Я выпрыгнула из машины и побежала к проходной, без особого успеха закрываясь плащом от начавшегося ливня.

Охранника на месте не было, так что я без задержек преодолела турникет на входе. Было тихо, но на обычную, спокойную пустоту разбредаящейся по классам школы совсем не похоже. Отчётливо слышала посторонний звук – всхлипывание. Оно доносилось из крыла первоклашек, и я на цыпочках подошла к двери с надписью «1 А». Там была щель, и я осторожно заглянула в класс.

Сначала никого не увидела, только совсем низкие парты со стульями и обклеенные радостными картинками стены. Дети были под партами – сбились в кучи и испуганно смотрели на меня. Я распахнула дверь и успела сделать всего один шаг внутрь, когда груда тряпья под учительским столом шевельнулась, бросилась мне под ноги и прошмыгнула прочь, в коридор.

Школьники, как по команде, громко заплакали. Кое-кто не смог встать и просто сидел, прислонившись к мебели, и почти у всех были видны укусы.

Алёнку я нашла на втором этаже – она сидела на подоконнике и смотрела сверху на школьный двор. Увидев меня, сначала демонстративно отвернулась, а потом флегматично вы-

сказалась в пространство.

– Это не я, но ты мне, конечно, не поверишь.

– Алёнка, пока это неважно, ты просто расскажи, что случилось.

– Я не знаю. Сидела на уроке, а они все начали кусать друг друга. Потом разбежались по школе. Я видела, они там лежат... Везде. Во всех классах. Вроде бы дышат.

Приехавший следователь Серых сразу же взял в оборот запершихся в директорском кабинете завуча и двух охранников, а меня отозвал в сторону.

– Послушай, Федора, дело серьёзное, просто так замять не удастся. Формально Алёнка не оборотень и я не должен привлекать судей, но этот фокус всё равно не сработает. Тут пострадавших целая школа, и объяснить произошедшее будет очень трудно. Нельзя это так оставлять, ты понимаешь? Скажи своему Царёву, что это уже перебор.

Перепуганных детей – тех самых – нашли в спортивном зале. Помимо лохмотьями висящей одежды и жалобно выпученных от осознания своих проступков глаз, ничто не отличало их от прочих ребят, отправленных сегодня родителями на учёбу.

Довольно быстро стало очевидно, что они и сами не очень понимают, зачем натворили все эти ужасы и почему всё закончилось так же внезапно, как и началось. Морок сошёл, застав их на четвереньках, в драных штанах и с исцарапанными коленями. Один мальчик всё пытался приладить на-

прочь оторванный от рубашки рукав, но не выходило и он так волновался, как будто это самая важная вещь на свете.

Следователь Серых ругался, просматривая записи с камер и удаляя их. Местные охранники сунулись было помочь с аппаратурой, но были выгнаны взашей – зато после вскрывшегося позорного бегства от очумевших детишек на их лицах читалась готовность подтвердить любую версию, чтобы только не вылететь с работы.

Штатный школьный психолог, благополучно переживший ЧП в учительском туалете, предусмотрительно подперев дверь шваброй и стараясь не дышать, теперь вылез и пытался решить, с кем начать работать, с жертвами или с нападавшими, или совсем радикально – сбежать незаметно домой, хряпнуть сто грамм и выключить телефон. Или наоборот – сперва телефон, а потом сто грамм, но планам не суждено было сбыться, завуч вовремя отловила его и направила к «провинившимся».

– Куда этих? – я кивнула на монитор с картинкой из спортзала, где всё ещё сидели горе-шутники, поставившие на уши три этажа элитной московской школы и заставившие завуча глотать успокоительное, отдуваясь за отсутствующего директора, как раз удачно вызванного в министерство.

– Да куда. Они не оборотни, не монстры, – Серых поморщился, – словом, никто. Гораздо важнее, кто или что заставило их вытворять такое. Понимаешь, к чему я клоню?

– С чего ты вообще взял, что это Алёнка?

– Не глупи. А кто же? Ты видишь здесь кого-то ещё, способного влиять на людей?

– Просто для протокола, я тоже была здесь рядом, на парковке. Прямо с утра.

– Не смешно. Смотри, пока я не стёр, – Серых включил запись из шестого класса, где отчётливо видно, как без всякой причины некоторые одноклассники внезапно и одновременно набрасываются на соседей по парте, а Алёнка безмятежно сидит прямо посреди полнейшего хаоса и только крутит головой. – В любом случае, Прасковья разберётся.

– Ты её вызвал? – это был удар под дых.

– Говорю же, нет. Но она всё равно узнает. Не забывай, это же пресса. Сигнал дойдёт, а дважды два она сумеет сложить. Царёву придётся засунуть гордость в одно место и идти на поклон самому. Прасковья в нём нуждается, ну а теперь и он в ней. Ты должна донести Царёву, это единственный выход.

– Как складно выходит у вас.

– Думаешь, специально подстроено? – Серых явно не впервые крутил аналогичную мысль в голове. – Всё-таки сильно сомневаюсь. Одно дело, наказать виноватого и приписать ему, точнее ей несколько лишних подвигов, и совсем другое – ложное обвинение против дочери духолова.

Царёв был в бешенстве. Алёнка, в одиночестве сидящая напротив входа, у турникетов, встретила его бурными слезами, а потом с вызовом посмотрела на нас с Серых.

– Я так понял, что вы всё валите на мою дочь? – Царёв не

стал дожидаться, пока кто-то выскажется. – Так вот, это не она. И никто её и пальцем не тронет, ясно?

– Мы не обязаны решать это сейчас, – Серых поднял руки в примиряющем жесте, – а школа заявит, что дети выполняли какое-нибудь дурацкое задание из интернета, хотели набрать лайков и немножко перестарались. Видео не будет. Сами дети так перепугались, что вряд ли много наснимали, но мы в любом случае решим вопрос. И раз здесь ещё нет разъярённой толпы родителей, значит, никто ничего не выложил.

– У нас забирают телефоны, – Алёнка накинула рюкзак на плечо, собираясь на выход, – пока уроки не закончатся.

– А как ты папе позвонила? – Серых пристально следил за её реакцией.

– Очень просто, – она говорила так спокойно, даже с пренебрежением. – Пошла в учительскую и забрала свой.

– И не боялась?

– Нет. Они меня не трогали, – Алёнка наклонила голову и надула огромный розовый пузырь из жевательной резинки.

Школа гудела. Начали прибывать родители, обеспокоенные странными просьбами срочно забрать детей, сразу же заработало сарафанное радио и стало не протолкнуться. Спешно возникший директор предусмотрительно запретил впускать кого-либо внутрь, так что территория перед зданием школы мгновенно превратилась в искрящееся от нервов шоу, напоминающее раздачу бесхозных детей после Крем-

лёвской ёлки.

Официальную информацию до поры придерживали, а классные руководители не знали, куда деваться от стыда, отбивая атаки на свои мобильные телефоны и общие чаты. Но то, что рассказывали сами дети, в результате наводило куда большую панику.

Когда на пороге школы возникла депутат московской городской думы Варвара Петровна, невозмутимая и величавая, как маяк, директор схватился за сердце – подумал, что высокое руководство уже приняло скоропостижное решение и пора собирать вещи на выход.

Варвара бегло заслушала лихорадочную оправдательную речь и заявила, что планирует курировать данное происшествие лично, а начнёт с очень подробного разговора с представителями полиции. Независимого разговора. В смысле, директор и завуч могут быть пока свободны, и те уходят со скорбными лицами.

Серых сжато выдал расклад, не упуская ни единой мелочи про Алёнку – Царёв кипятился, но молчал, потому что понимал, что сейчас решается один-единственный вопрос – причастна ли его дочь?

Варвара кивала и с интересом посматривала на Алёнку, в первый момент кинувшуюся было с распростёртыми объятиями – за поддержкой. Депутат Варвара, в отличие от подростка, в табели о рангах разбирается – с улыбкой, но твёрдо отстранила девочку и заставила сесть на скамью.

– Спасибо за подробный доклад. Как, по-вашему, есть основания привлекать в дело наших дорогих судей? Иными словами, это залётный оборотень, которого мы, разумеется, позже найдём, или невольная ошибка Алёны Царёвой? Пресса всё равно пронюхает быстро, так что мне нужно знать ваше личное и профессиональное мнение, – Варвара доверительно заглянула в глаза следователю, отчего тот поёжился и чуть отстранился.

– Я человек маленький, – Серых ушёл от ответа, – а вам виднее.

– Человек? – она не скрывала иронии. – Ну-ну. И мне всё-таки нужно знать, что вы думаете.

– Да идите вы все в баню! Ничего я не думаю, – следователь хлопнул папкой об стол. Кажется, впервые Царёв испытал нечто вроде признательности по отношению к тестю.

Варвара сощурилась и укоризненно покачала головой, а потом наклонилась к Алёнке и взяла её за руку. Та обиженно надула губы, но спорить не стала, замерла в ожидании вердикта.

– Хм. Любопытно. Федора, может быть, ты посмотришь? – и подтолкнула ко мне. Алёнка нахмурилась и вся зажалась.

Я села рядом с Алёнкой, по другую сторону от Царёва, и мягко обхватила её вспотевшую от волнения ладонь обеими руками. Огромные глаза падчерицы совсем рядом, в них недоверие и мольба.

Видения обрушиваются на меня безжалостно, как массы

воды из прорванной дамбы.

Мы с Царёвым в обнимку стоим у гранитного парапета, полные безрассудной надежды, и задорно смеёмся. Солнце заходит за тучу, мы оборачиваемся и натываемся на ненавидящий Алёнкин взгляд – она быстро выдавливает из себя улыбку, и Царёв моргает, стряхивая наваждение, но я не могу забыть ту, первую реакцию.

В ней столько страха! И этот страх перерождается в слепую ярость. За что? Я пытаюсь нащупать причину, но видения перескакивают на сегодняшний день – румяное, округлое лицо учительницы бледнеет, она роняет тетради и пытается остановить учеников, почему-то вцепившихся друг в друга. Алёнка злится и даже хочет, чтобы кто-нибудь осмелился напасть, но её словно не существует – дикость выплывается в коридор, дальше и дальше, не задевая даже случайно.

Роняю Алёнкину руку и растерянно смотрю Варваре прямо в глаза.

– Ну? – Варвара ждёт.

– Я... Я не знаю, правда, – и уже увереннее, – но она не могла этого сделать. Не могла.

Варвара неожиданно встряхивает роскошными волосами, поправляет причёску.

– Кажется, мы с тобой совпали. И это очень радует, не находишь?

Слишком гладко всё. Так не бывает. Царёв поднимается с

таким видом, что все понимают – он намерен уехать прямо сейчас. Разумеется, с дочерью.

– Надеюсь, недоразумение можно считать исчерпанным? – голос Царёва звенит от напряжения.

– Да, конечно, – Варвара переводит взгляд на меня, – ты же не против, Федора?

Не успеваю ответить – Алёнка вскакивает и посылает Варваре воздушный поцелуй, а потом мимолётно кивает мне и берёт отца за руку.

– Увидимся, – коротко бросает Царёв и они удаляются.

Варвара дожидается, когда они оба исчезают в разросшейся толпе за окном, и вздыхает с облегчением.

– Ох уж эти подростки. Как ты это терпишь, каждый раз удивляюсь.

– Это не всегда так плохо, как выглядит.

– Конечно-конечно, – Варвара подсаживается к следователю и стряхивает воображаемые пылинки с его пиджака, – а вы что, обиделись? Неужели нельзя было подыграть? Этот Царёв такой нервный.

– Угу, – Серых кривится, – только что теперь делать будем? Ежу понятно, что это Алёнка. Ну отпустили сейчас, а дальше что?

– А дальше разберёмся. Федора, может быть, объяснишь наконец, что за гремучую смесь, достойную триллера, Алёнка вчера хлебнула? – и уточнила для следователя. – Из той залётной зверушки, что вы вчера привезли.

– Ничего, похожего на сегодняшний ужас, там и рядом не было. Почему вы так уверены, что дело в Алёнке?

Оба посмотрели на меня с искренним изумлением.

– Федора, – Варвара набрала побольше воздуха, – я, конечно, всё понимаю, и ты можешь изображать что угодно, но тебе придётся придумать альтернативную версию, и очень быстро. И ещё – она должна быть чертовски убедительной. Прасковья не упустит случая отомстить за дочь и внучку, так что у меня должны быть крайне веские аргументы, чтобы покрывать Алёнку.

Серых покосился на Варвару с подозрением, но промолчал.

Пробираясь мимо родителей, заметила взволнованное лицо Никиты – он был на голову выше всех. Махнула ему, мол, потом поговорим, и запрыгнула в машину.

Царёв с дочерью преспокойно обедали – точнее сказать, он ел, а Алёнка вяло ковырялась вилкой в тарелке. При виде меня хором замолчали, уставившись настолько неодобрительно, как будто это моя вина, что её вообще заподозрили.

– Ты должна рассказать, что произошло на самом деле, – я села напротив, – это очень важно.

– Па-а-п, – Алёнка требовательно повернулась к отцу, – я же говорила, она мне не поверила.

– Федора, ты не должна давить на мою дочь.

– Ах, ты вот так заговорил? Теперь это твоя, – ударение на последнем слове, – дочь?

– Она просто злится, что у неё ничего не получилось, и отыгрывается на мне, – Алёнка сверкнула глазами.

– О чём это ты?

– Ни о чём. Неважно, – Царёв смутился.

– Нет, папа, это как раз важно. Она так пыжилась родить тебе нового, идеального малыша, что не может теперь смириться и относиться ко мне, как раньше. Разве ты не видишь?

– Стоп. О каком малыше речь?

– Ни о каком. Прости, я не стал говорить тебе, раз ты всё равно ничего не помнишь. Не хотел расстраивать, – он неловко положил свою ладонь поверх моей.

– Говори, – почувствовала, как сильно не хватает воздуха.

– Мы пытались. Ты очень хотела ребёнка. Мы кучу врачей обошли, но... Не получилось. Мне жаль, правда.

– И что сказали врачи?

– Что ты никогда, – торжество в её тоне, в горящих глазах, – слышишь, никогда не будешь их иметь!

– Это точно? – выдернула свою руку.

– Ну это же медики, Федора, – он опустил глаза, – как всегда, в своём репертуаре. Сегодня одно говорят, завтра другое. Советовали расслабиться и перестать уже заикливаться. И очень правильно, я считаю.

– Есть другой вариант, – Алёнка не унималась. – Варвара вернёт мою маму и ты будешь нам не нужна. Не переживай, скучать мы не будем.

Царёв и сам не ожидал, замер с разинутым ртом, а я судорожно металась меж двух вариантов – то ли вклеить девчонке звонкую пощечину, то ли собрать чемоданы и свалить уже из этой расчудесной семейки. Склонялась к последнему, но где-то в глубине души нехорошо так скреблось – что, не справилась? Паршивая из тебя мать. Сама виновата.

Впрочем, её стремительный триумф был подпорчен – Царёв решил всё-таки одёрнуть зарвавшуюся дочь, потребовав извиниться. Та сперва в отказ, а потом, судя по характерному дрожанию губ, нацелилась применить безотказный метод – девичьи слёзы.

И тут я кое-что сообразила. Какие врачи, если на мне всё заживает моментально? А если и нет, то Алёнка на что? Неужели отказалась бы исцелить?

– Почему ты меня не вылечила? Не захотела?

– Да захотела я, – Алёнка обиженно сдвинула брови, – ты реально забыла? Мне тогда так плохо стала, думала, задохнусь. Сама же говорила, на тебя не действует, нельзя тебя трогать.

– Алёнка права, я прекрасно помню, как она заболела из-за этого, – Царёв обрадовался, что неминуемый скандал вдруг откладывается, – а ты ещё переживала, что неудачно вышло.

– А в школе? Ты же могла им помочь?

– Кому – им? Я пыталась. Но поняла, что на всех сил не хватит, и вылечила только этих... Бешеных. Кажется, у меня

получилось, бегать и кусаться они точно перестали. Думаю, насовсем вылечились, потому что они же не настоящие оборотни. Довольна, мамочка? – последнее прозвучало с издёвкой. – Что, веришь мне или нет?

– Ты молодец, – Царёв поторопился ответить, но она так и буравила меня взглядом.

– Давай честно, я ужасно хочу тебе верить, но ты должна мне помочь. Ответить на вопросы.

– Ну задавай, – Алёнка опустила плечи и тихо вздохнула.

– Что было во вчерашнем оборотне?

– Да ничего особенного. Я даже не поняла, зачем ты её в зверинец пульнула.

– А чего ты тогда так напряглась?

– Кое-что увидела. Сначала пошарила, вроде никаких талантов, если не считать дикой жажды. Ерунда. Не захотела ничего брать. А потом... Увидела, как её туда привезли, в Москва-Сити. На парковке, там был ты, пап. И мама. Та мама. Ну я и подумала, что ты нашёл её, вы помирились и теперь будете вместе. Не знаю, как вышло, но я забрала всё, что в той девочке было. Глупо, да? Наверное, она меня обманула? Пап, скажи, а мама к нам вернётся?

Царёв был буквально ошарашен.

– Что за бред?! Я там встретился с Варварой. Случайно. Вот и всё.

Алёнка не сводила с него глаз, хотела убедиться, что нет подвоха. Да, Царёв определённо не врал.

– Ясно, – Алёнка перевела взгляд на меня, – Тогда ладно. Ты... Это... Извини.

– Принято, – протянула руку через стол и коснулась её пальцев, а та вздрогнула, но рук не убрала.

– И что всё это значит? – Царёв понял, что кризис миновал, и вернулся к слегка остывшей еде. – Выглядит, как подстава.

Я встала, чтобы взять себе тарелку, и увидела у буфета тончайший фрагмент паутины. Машинально потянувшись, стряхнуть и чуть не провалилась насквозь. Стены, перекрытия, лестница в подъезде стали зыбкими, как мираж. В соседней квартире никого, да и в другой тоже. Пролистала этажи, как детскую книгу с объёмными картинками, и поняла – здесь нет людей. Дом пуст с первого и до последнего этажа, кроме одной-единственной квартиры – нашей. Почти во всех даже мебель отсутствует.

Крепко ухватилась за обеденный стол.

– А куда делись наши соседи? – еле выдохнула.

– Как куда? – Царёв прокашлялся, – Давным-давно все съехали. И никто не хочет покупать или снимать тут жильё, что любопытно. Квартиры почти даром выставлены, но я ни разу не видел потенциальных клиентов. Ни одного. Даже желающих проверять электрический счётчик нет.

Домофон зазвонил так пронзительно, словно хотел раз и навсегда опровергнуть мысль, что мы живём в проклятом доме, куда и собака случайно не забредёт – не то, что чело-

век.

– Смотри-ка, редкий, но смелый гость к нам пожаловал! – Царёв снял трубку и спросил, кто там.

Там оказалась Прасковья Лисицина в послеполуденной личине – милейшая женщина, даром, что ведьма. Даже по немилосердно искажённому в проводах голосу превосходно читалось, что пришла она, как проситель, а не как судья. Царёв от такой наглости опешил, но дверь, немного поколебавшись, открыл.

– Ты зачем её пустил, пап? – Алёнка сорвалась на визг. – Она же хочет на меня всё повесить!

– С чего ты взяла? Не факт. Успокойся и не дёргайся. Ты же не виновата, так что бояться нечего. Мы просто поговорим. Раз она пришла, значит есть почва для дискуссий. Вот и узнаем, что на кону.

Алёнка явно трусила и не разделяла столь прагматичный подход, но делать нечего. Царёв пошёл встречать гостью, а Алёнка залезла в дальнее кресло с ногами и с уставилась на меня с осуждением. Я пожала плечами – не моя идея судью домой пускать, но что-то в этом есть.

– Федора, что ты тут за замок с привидениями устроила? – Прасковья вошла и тут же присела за стол так уверенно, словно только её и ждали, чтобы начать вечеринку, – За чем людей разогнала? Не одобряю. То есть правильно, но не проще ли было переехать в другое место, чем опустошать заурядную многоэтажку? Оно того стоило?

– Мы привыкли тут и переезжать не собираемся, – Царёв держался подчёркнуто холодно. – А вы пришли, чтобы наш квартирный вопрос обсудить?

– Ох, нет, конечно. Простите мою болтовню, – Прасковья задержала взгляд на Алёнке, – а кто тут у нас такой напуганный?

Алёнка вжалась в кресло и побледнела ещё сильнее, хотя уже было дальше некуда.

– Наслышана про сегодняшнее происшествие. Варвара, конечно, представляет дело так, что ваша девочка со всех сторон виноватая.

– Наоборот! – Алёнка от возмущения аж подпрыгнула, – Она сразу же поняла, что это не так!

– Милая деточка, поживи с моё, и будешь нутром чують, когда тебя дурят. Впрочем, я бы хотела лично убедиться в твоей невинности. Вы же не против, если проверю? – Прасковья вопросительно замерла, протянув вперёд раскрытую ладонь.

Царёв шагнул к Прасковье и положил руку на спинку её стула, после чего многозначительно кивнул. Загнанная в угол Алёнка нерешительно встала и положила свою ладонь поверх Прасковьиной с таким видом, точно прыгнула в пропасть. Даже зажмурилась.

Прасковья всё молчала и молчала – у меня даже сердце замерло от дурных предчувствий – а потом вдруг отпустила её руку и легко засмеялась.

– Я так и думала, дело не в Алёнке. Выдыхайте, родители, ну же. Вот теперь мы поговорим.

Царёв сделал Алёнке знак и ту как ветром сдуло обратно в кресло-убежище.

– Чего вы хотите? – тон его стал заметно помягче.

– Буду откровенна. Вы ещё увидите, как Варвара будет подставлять Алёнку, мне вас даже убеждать ни в чём не придётся. Поэтому и пришла, чтобы сразу поняли, что я на вашей стороне и нет причин избегать суда. Гораздо интереснее причина, по которой она так настойчиво пытается вас, голубков, столкнуть лбами.

– И в чём она?

– Варвара хочет, чтобы ты, духолов, развоплотил Федору. Более того, однажды она уже пыталась это устроить, добренькая целительница под видом простодушной девушки. Ты хочешь знать, за что был наказан последний духолов? За попытку выкрасть трёхлетнюю малышку, как раз недавно усыновлённую парой прекрасных и ничего не подозревающих людей. Федора, неужели ты ничего не запомнила? Ты была совсем крохой, конечно, но... Настоящая дикость, а мы же не звери. Перед тем, как нырнуть в прорубь, он признался, кто его надоумил.

Проваливаюсь в детские воспоминания, как с ледяной горки ухаю, дыхание останавливается, кажется – всё, конец! Мартовское солнце обманчиво греет спину, но мне не до

него – выбираю лужу поглубже и весело брызгаюсь носками резиновых сапог. Моя новая мама – очень красивая тётя – не ругается, а смотрит с гордостью, какая у неё хорошенькая девочка. Ещё твёрдо знаю, что скоро должен прийти папа, он поцелует сначала маму, а потом уже меня, чуть смущаясь, но с потаённой радостью. С ними очень нравится, намного лучше, чем в детдоме.

Они всё время опасаются сделать или сказать что-то не то, а я вообще ничего не боюсь. Верю, что тётя в паутине, которая приходит ночью, не даст меня в обиду.

Эта детская святая уверенность даст серьёзную трещину именно сегодня, в день, когда в парк придёт человек в сером пуховике с капюшоном и с волосами в крапинку – лицо молодое, а волосы с седыми пучками.

Он появляется, когда я отбегаю подальше от мамы и прячусь за скамейку, хихикая и замирая от восторга – она будет долго-долго искать и обязательно найдёт.

Спрашивает какую-то ерунду, которую легко придумать, чтобы увлечь ребёнка, и я иду за ним следом по смело прорастающей сквозь пожухлый прошлогодний ковёр траве, игнорирующей ещё не растаявшие сугробы. Один раз оборачиваюсь и вижу вдалеке растерянное лицо новой мамы, а потом на глаза падает плотная и душная тряпка и я только брыкаюсь и изворачиваюсь, как жалкий котёнок.

Просыпаюсь у костра, ногам тепло, а ушам и шее сзади почему-то зябко. Рядом половина кирпичного дома – крыши

нет и от стены только часть, а в окнах торчат голые стволы растущих внутри кривоватых деревьев.

Дядя шебуршит поленья длинной веткой, а потом смотрит на меня зло и с таким презрением, как будто я в чём-то очень страшном провинилась. Пятки жжёт уже так, что я плачу, а дядя начинает с кем-то ссориться, но в том-то и дело, что никого нет, кроме нас двоих. Больно, аж жуть, но дядя держит и не отпускает. Реву во всю мочь.

Тот бормочет, глядя за мою спину, а у меня руки связаны, не могу повернуться:

– Смотри, она же совсем маленькая... Ты уверена?... Но как ты можешь быть уверена?... Да, подпалил, но это же просто ребяёнок человеческий... Хнычет. Она не превращается! Если сейчас не превратится, я её отпущу, слышишь?... Нет. Говорю же, нет, не буду. Чёрт! Ты это видишь? Чёрт, чёрт... Сейчас я её...

Сбоку мелькает тень, рыжая молния – незнакомая маленькая женщина хватает дядю за плечи и тот падает, как подкошенный, хотя выглядит рядом с ней горой. Не сопротивляется, подбородок безвольно опущен. Вскоре появляется и другой человек, подтянутый, в форме – милиционер. Он отвязывает меня и берёт на руки, гладит по волосам и шепчет – не бойся, теперь всё будет хорошо.

– Ты что, сдурел? Что творишь, обмылок? Она никому не причинила вреда, мухи не обидела. Так ведь?

– Да, – рыжая в ярости сдавливая кости и тот хрипит.

– Вы же знаете легенду? – пойманный дядя говорит глухо и тяжело дышит, но ясно, что жалеет об одном – не успел. – Мы должны вместе покарать ведьму. Древний договор между нами и оборотнями в том, что мы служим вам, чтобы вы помогли поймать её для нас, а справиться с ней мы и сами сумеем.

– С тех пор не одна сотня лет прошла, тебя, башковитого психа, это не смущает? Сказочник хренов. Какая ведьма, это же просто маленький ребёнок. Давно уже никто не знает, о какой конкретно ведьме речь. Может, её уже тыщу лет, как на костре развоплотили. Вон, в Европе что творилось, небось и нашу туда же. А ты давай детишек теперь хватать, совсем с катушек слетел?

– Нет. Вы слепцы, если не видите, а я видел! Говорю вам, это та самая. Я тоже сначала не верил, но она научила, как увидеть суть.

– Кто научил? – глаза рыжей сузились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.